

Дина Шехур

СКАЗ о ведьме

6+

Дина Шехур

Сказ о ведьме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66543244

SelfPub; 2021

Аннотация

Ты хочешь услышать сказку? Сказку о ведьме? Присоединяйся к малышке Ладушке и слушай...

Дина Шехур

Сказ о ведьме

Ведьма.

– Бабушка, бабушка! – малышка бежала, высоко поднимая корзину, чтоб не выронить собранные грибы.

Старуха, услышав голос внучки, поняла, что та не просто так зовет, а что-то случилось и, бросив месить тесто на ша-нежки, выскочила во двор.

Девчушка неслась по большаку, из-под лаптей взметалась пыль. Превозмогая боль в колене, бабушка спешила внучке навстречу. И успела подхватить ее уже у самой калитки:

– Чего это ты так торопишься егоза? – стараясь не показывать малышке свою озабоченность и поглаживая по спинке, повела ее в избу.

– Бабушка, бабушка, – не отдышавшись от бега, но стараясь побыстрее все рассказать, чуть задыхаясь, малышка тараторила, – мы с подружками в лесу ведьму видали.

– Прям, так уж и ведьму? – и не смогла скрыть свой вздох облегчения.

Пока томились в печке, наливаясь золотистым жаром ша-нежки, перебирая грибы, она слушала свою любимицу Ладушку.

– Мы с Любавкой и Феклой дошли почти до самого ручья, дальше ни-ни, как ты и велела, – мотая ногами сидя на вы-

сокой лавке, стрекотала внучка, – но тут Любавка увидела красивый цветок на пригорке и полезла за ним. Мы с Феклой отговаривали ее, но ты же знаешь, что она неслушница!

Возмущение в голосе внучке радовало старушку. Значит, она понимает, что можно, а что нельзя. Послушной растет.

– И тут как покатится с пригорка, прям к нашим ногам. И лежит не движется! Уж мы перепугались! Стоим, кричим! Я Любавку трогаю, а она не движется! И тут она! Как ты страшала меня: старая, с клюкой! Я напугалась аж кричать, как забыла! И Фекла враз замолчала. А та напрямиком к Любавке! Ну, думаю, все! Украдет ее, к себе в лес в избушку на курьих ножках утащит, изжарит в печи, съест, а на косточках покажется!

– Ладушка! – бабушка от удивления аж гриб выронила, – ты, где таких страшных рассказней наслушалась?

Внучка пожала плечами, и наивно хлопая ресничками выдала:

– Так все говорят! Девчонки, взрослые, так вечером на лавочке шептались.

Бабушка расхохоталась. Да так весело, так заразительно, что даже внучка удивленно посмотрела на бабушку, да тоже рассмеялась.

– Ну, на придумали, глупые!

В голубых глазках внучки тут же сверкнул интерес:

– Бабушка, а откуда ведьмы взялись?

Бабушка подумала, села рядом с внучкой и начала свой

рассказ.

***

Давно это было. Далеко, близко ли, этого уже ни кто не помнит, но жила была в одном из сел семья. Ладная такая, дружная. Дед с бабкой, их сын со своей супружницей, да малая внучка. Старики нарадоваться не могли на свою малышку. И косы то у ней тугие да крепкие. И смех то у ней звонкий да ясный. И глазки то у ней чистые да разумные. Да сама она была любопытная, да рассудительная.

И учили они уму-разуму. Как сами жизнь жили: не обижать малых, помогать старым, слушаться тятеньку с матушкой, почитать деда с бабкою.

И росла она, словно сыр в масле каталась. И тятечка самые лучшие подарки из города привозил, и матушка самые лучшие сарафаны ей пошивала.

Много ли времени утекло с тех пор, а уже и девица выросла стройная, ладная. Парни деревенские уже и поглядывать стали, да оказывать знаки внимания.

В ту страшную ночь зарево разлилось по их деревне. Только и успела мать вытолкнуть дочь свою из кровати. Упала та на пол дощатый, да и накрыло ее одеялом, да водой окатило. Та от страха тут же сознание и потеряла.

Очнулась в звенящей тишине. Тело все девичье болело, да ломило, да как скрутит, словно не кости в ней человечьи, а веревка одна пеньковая. Да как вырвется кашель изнутри,

будто угли горячие сплевывает. Когда все закончилось, обнаружила она себя посреди черноты. Опасливо гляделась и поняла, что эта чернь все, что осталось от дома их родного. Ужаснулась от увиденного, поднялась она на ногах негнущихся, да тихонечко позвала, холодея внутри от сознания, что ни кто ей уже не ответит:

– Матушка! Тятюшка! Баба! Дед!

И только тишина ей в ответ. Прошлась по черным остаткам половиц, в углу тлел большой кованый сундук. Она непроизвольно пнула его, а он тут же и рассыпался. В ворохе тлеющих, когда-то бережно складываемых сокровищ, и матушкой приговаривающей: «Это тебе приданое», она увидела праздничное платье, да тятенькой привезенные заморские туфельки. «Тебе на свадьбу», – тут же в ушах у нее прозвучал грозный голос тятеньки. Он для вида только суровым голосом говорил, а сам улыбался в бороду, когда примеряя, она лихо отплясывала в обновках. Скинула грязную ночную сорочку, да надела и платье и туфли. Подошла к закопченному зеркальцу, глянула на себя. Горько расплакалась и бегом выбежала из бывшего дома. Боясь оглянуться и упасть в обморок от увиденного, бежала она не разбирая дороги.

Подойдя к болоту, узрела легкую рябь. Потрогала мыском туфли влажную, от нажима проваливающуюся, поросшую яркой зеленью кочку.

«Да! Здесь!» – и кивнула, сама с собой соглашаясь.

Теперь главное дождаться. Огляделась, заприметила

неподалеку возвышающийся стан древа-великана. Возносила высоченная сосна свою крону почти в самое небо. Ствол его уходил тугими, узловатыми корнями держась за сырую землю. Подошла ближе, да прижавшись спиной к могучему стволу села выбрав выступающий из земли корень посуше. Да и прикрыла глаза.

Сквозь ткань легкого летнего платица она чувствовала грубую, корявую кожу поскрипывающей сосны. Уже легкий сон стал одолевать, да всякие необычные картинки видятся, как заново скрутило тонкое девичье тело. Сначала из горла выбивались лишь хрипы, затем толчками, разрывая все внутренности, стал вырываться кашель. Как только все закончилось, забылась тяжелым сном.

Разлепила глаза. «Странно, темно», – мышью мелькнула мысль в голове. Огляделась. Действительно темно. «Хоть немножко света, бы», – мысленно взмолилась она. И тут вдруг сверху, сквозь листву ее осветил лучик. Она подняла голову. Темные облака расплывались, открывая бледно светящийся блин луны. «Полнолуние», – лениво проплыла мысль в мозгу. Огляделась вокруг, свет лился тусклый, но четко освещалась дорожка к болотам. Еще немного она посмотрела на небесное светило и внутренне приказала себе: «Все, хватит сидеть, пора совершить задуманное». Поднялась и пошла по освещаемой лунной дорожке.

Коснулась мыском туфли мягкой кочки. «Похоже, та же самая», – мелькнуло в голове. И внутренне стала настраи-

ваться.

– Матушка! Тятюшка! Баба! Дед! – тихо шептала как закливание она, роняя слезы. Внутренне настраивая себя на страшное. И набравшись храбрости выкрикнула:

– Богиня Морена! Забери меня!

Только хотела, закрыв глаза шагнуть в самую топь, как над болотом стало подниматься темное марево. Легкая рябь сгущалась, плотнела. По легким контурам перед ней появилась сначала матушка, потом тятенька, а за ними и баба с дедом. Онемев от неожиданности, она вздохнуть побоялась.

– Что же ты доченька моя удумала? – вопрошает ее матушкин ореол.

– Куда ты девка собралась? – слышит в своей голове скрипучий бабкин голос.

И тени деда с тятюшкой только досадливо качают головами.

– Что мне делать? Мне без вас жизнь не мила! – только и смогла она прошептать.

Расплылись фигуры родных ей людей, да вдруг как вспыхнет болото зеленым светом, как разверзнется земля влажная. И появилась из ее недр фигура женская.

Распахнулись глаза от удивления, да оглядывают явившуюся деву невиданной красы: кожа бела, что твой снег, волосы черны, что крыло ворона, губы алее зари утренней, брови, что темный соболь. И светится изнутри красотой своей.

«Ах, такой бы стать!» – восхитилась она.

– Чего пялишься? – сверкнув глазами, поведя плечами, вопрошает дива.

– Красивая очень, – честно, как матушка учила, отвечает опешившая девица.

– Знамо дело! – усмехнулась высокомерно, да и вдруг совсем рядом оказалась.

Стоило только руку протянуть да коснуться ее. Только в глазах столько презрения и надменности, что рука не поднялась потрогать.

– Глупое дело ты задумала, да плохое – душу свою задаром отдать! Но я помогу тебе! Быть теперь тебе моей прислужницей, девкой на поручениях. Будешь исполнять мои веления исправно и в срок, – не терпящим возражений голосом сказала красавица испуганной девушке.

– Что делать то надо? – пролепетала она, понимая, что деваться ей теперича некуда.

А Дева только плечом презрительно повела, да губы свои алые поджала.

И со всей силы ткнув руками в грудь, толкнула девушку в самую трясиину.

А та только и успела взмахнуть руками, да не помогло это. Улетела в болото плашмя.

От страха закрыла глаза. И приготовилась, что жижа болотная поглотит ее. И внутренне сжалась, ожидая удара.

Тут ей подумалось, что падает она уж очень долго. Боязливо приоткрыла глаз – а она стоит. Рядом та же дева. Огля-

делась вокруг.

Изба, как изба, разве, что просторная, да только без окон. И стол большой, и лавки подле стены, и печка в пол горницы.

Огляделась девица, да не успела как следует осмотреться. Снова скрутило ее, словно куклеху тряпичную, да горящих углей сыпанули в горло. Упала на колени, да пыталась откашляться. Только отступил кашель, как взмолилась она:

– Богиня Морена! Матушка! Нави властительница, темно-го мира повелительница! Молю-умоляю, сними с меня сестриц своих лихоманок, да трясовиц.

Дернула подбородком красавица, губу прикусила, а потом своим прекрасным голосом, будто пропела:

– А угадаешь, какая из моих сестриц тебя мучает, отпущу!

Задумалась девица, вспомнила все бабушкины тихие рассказы. Вот бывало заболит она, так старушка протирая ее тело все приговаривала, да учила уму-разуму: «Трясея – падучей трясет, да судорогами; Огнея – изнутри, словно огнем жжет; Ледея – холодом знобит-лихорадит; Гнетей – камнем во чреве лежит, да рвотой мает; Грудница – тяжестью само сердце давит; Глухей – на голову давит, да глушит; Ломея – тело ломает, да гнет; Пухней – отеками давит; Желтея – печень мучит; Корчей – тело крючит, да жилы тянет; Глядея – спать не дает, да покою лишает; Хрипея – кашлять не дает, у сердца стоит, сушит; и только Невея до последнего рядом стоит, ибо ей верное имя – смерть.»

– Не одна сестрица-лиходейка меня мучит, а сразу

несколько, – смело глядя в глаза Морене девица отвечает, – и Трясея...

И тут же легким, серым дымком вышла, да рядом со своей старшей сестрицей встала безобразная старуха...

– ... И Огня... – продолжила девица.

И снова сизым дымком, рядом образовалась уродливая сестрица.

– ... И Ломя...

Тут же рядом сестрица встала.

– ... И Корчя с Хрипеей! – выпалила напоследок, она освобождаясь от их гнета, да вставая на ноги.

Оглядела мучивших ее лихоманок, да глубоко вздохнула от радости.

– Хорошо! Молодец, девка! – похвалила ее Моревна, – будешь им помогать, да наказы их исполнять.

Поклонилась в пояс девушка, принимая указ великой Богини.

И полетели дни в трудах. Поначалу тяжеловато было девушке, хоть и не была белоручкой, да никакой работы не гнушалась, но побаивалась она страшных да уродливых сестриц. Да вскоре пообвыкла, притерпелась, смирилась, а позже научилась с ними ладить. Трясея уж очень любила сладенькое, так ей самые лакомые кусочки и доставались. Огнею приласкаешь, погладишь она и успокаивается. Корчю потчевала горячим молоком на ночь, а Пухнея очень уж сказы любила. Так, потихонечку, к каждой из сестриц она и на-

шла подход. Изучила все их привычки, повадки, помогала им, да жалела их.

И они чаще стали хвалить свою помощницу. Долго ли коротко ли длилась ее работа на сестриц-лихоманок, а однажды явилась сама Морена, призвала девицу:

– Хвалят мои сестры тебя за работу твою.

Девушка от смущения опустила глаза.

– Если мои сестрицы довольны, если ты смогла им уго-
дить, – молвит Богиня своим чарующим голосом, – то возь-
му я тебя к себе в услужение.

Испугалась девушка, аж воздух застрял в груди.

А Морена только пальцем поманила и пошла в свои хоро-
мы. Девушке делать не чего надо идти за новой хозяйкой.

Поначалу, она хлопотала по хозяйству как обычно: чистота, порядок, вовремя накормить, одеть, причесть. Крутилась как белка в колесе. И совершенно некогда было обдумывать свое положение.

Сидя за огромным дубовым столом, начищая столовые приборы до блеска, она прикидывала в уме, с чем готовить пирог: с яблоками или вишней. Ложки и так блестящие, но ей нравилось ловить в них свое отражение: пухлые щечки, щелочки глазки, нос картошкой. Так умильно она выглядела в их блестящей поверхности. У них дома ложки были только деревянные и в них вот так вот не посмотришься.

Она старалась гнать от себя воспоминания о доме. Но, все равно, иногда, они сами ее находили. Вот и сейчас. Она за-

стыла глядя на себя в отражении, а мыслями была в далеком прошлом.

– Брось эти ложки, ни куда они не денутся!

Она вздрогнула от неожиданности и послушно положила ложки на стол.

– Иди за мной!

Она привыкла к этой холодной, высокомерной красавице, к ее приказному тону. Но каждый раз, идя следом за ней, у девушки замирало сердечко. Потом то оказывалось, что дело пустячное: то подол парчового платья прихватить, чтоб не оторвался; то помочь свитки собрать, то перед гостями стол накрыть.

В горнице было светло как днем. На столе лежали большие темные предметы. Девушка никогда таких не видала.

Морена подошла к столу и, придвинув предмет ближе, взяла и открыла его:

– Иди сюда, – приказал она девушке и сама села за стол.

Девица встала по правую руку и с удивлением разглядывала то, что ей показывала богиня.

– Это книга, – пояснила тихим голосом Морена разглаживая темные страницы с диковинными значками.

Девица слушала, как тает голос гордой красавицы от прикосновения к необычному предмету.

– Сядь рядом! – приказала Морена.

Девица дернулась от неожиданности, споро отодвинула стул и дрожа села рядом.

Так и началась ее учеба. Она и помыслить не могла, что ей – бедной сироте, откроются все знания миров. Да и кто ей их рассказывает, да указывает – сама Царица подземного мира, богиня Морена, жена самого Кашея.

Вскоре девица и сама могла священные книги читать, да знаниями разум свой наполнять. Видеть стала многое, подмечать и понимать.

Долго ли коротко ли длилось ее обучение, но однажды она проснулась с мыслью: «Вот и все!».

И уже знала, что Морена, подзовет ее к себе, и совершенно не удивилась ее словам:

– Вот теперь ты готова, – тихо сказала холодная красавица, – вижу я, толк из тебя выйдет.

И сверкнув глазами, протянув к ней руку, заклиная, молвила:

– Быть тебе в мире Яви ведающей, все тайны мира! Даю тебе силу невиданную! Верну тебя в твой мир! Но помни: народ – он темный, он бояться будет твоих знаний, придется тебе подальше от них держаться! Но в помощи не смей отказывать! Помогай, да присматривай за ними! Когда, время придет, ты почувствуешь и все свои знания, да силу свою, передашь! Вот тогда ко мне и вернешься! Нарекаю тебя Ведающей Матерью! И быть тебе в твоём мире – Ведьмой! Береги свою силу!

Закружилась голова у девицы и закрыла она глаза.

Открыла глаза, огляделась.

Потрогала мыском туфли влажную, от нажима проваливающуюся, поросшую яркой зеленью кочку. Улыбнулась своим мыслям. Развернулась и пошла новорожденная Ведьма сквозь ночь в свой мир.

***

Ладушка сидела задумчивая.

– Ну, так что с неслушницей Любовью то случилось? – отвлекла ее от дум бабушка.

– Ну, ведьма подошла к ней, что-то ей в рот влила, пошептала и ушла, даже не оглянулась на нас. А Любава вскочила, как ни в чем не бывало и мы с ней вместе побежали домой.

– Вот видишь, внученька, исцелила она ее, – строго сказала и тут же произнесла, – Ведающая Мать, благодарю тебя!

Ладушка с серьезным видом кивнула и тихо, шепотом, повторила за своей мудрой бабушкой.